

Петр Николаевич Кондрашов

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: pnk060776@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-0975-4418

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ, ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ И ИХ СВЯЗЬ С КОРРУПЦИЕЙ

Автор исходит из того, что в основе предрасположенности к совершению коррупционных действий и толерантности к коррупции вообще лежат *жизненные ценности*, которые регулируют поведение человека, определяют его цели и приемлемые способы их достижения, но которые извращаются в своем содержании в специфических социальных условиях. В качестве примера автор анализирует превратную трактовку содержания и отклонения в экзистенциальном понимании таких жизненных ценностей, как *свобода, защищенность и жизненное время*. Все эти факторы формируют толерантное отношение к коррупции. Однако в рамках подобного рассмотрения коррупции открывается ее своеобразная *эмансипирующая* роль: коррупция выступает как специфический (противоправный) способ освобождения от участия в отживших свое, но формально востребованных практиках. Автор делает вывод, что причины коррупции требуют радикального изменения всей аксиосферы, содержания жизненных ценностей всех уровней. Необходимо *комплексно, системно уничтожить ту почву, на которой жизненные ценности извращаются в своем содержании*, и через преобразование социально-экономических, политических, правовых, бытовых и повседневных структур, через систему воспитания и образования менять *мировоззренческое ядро* людей, то есть обновлять содержание их *жизненных ценностей*. А юридические, политические, социальные, экономические, пенитенциарные, устрашающие и иные меры только закрепят положительный эффект, полученный от радикального преобразования сферы жизненных ценностей.

Ключевые слова: коррупция, жизненные ценности, коммодификация, маркетингизация, бюрократический снобизм, свобода, защищенность, время, эмансипирующая роль коррупции, толерантное отношение к коррупции.

Согласно результатам социально-психологических, социологических и социально-философских исследований коррупция – это *комплексная* проблема, обуславливаемая такими факторами, как социально-политическая и экономическая система, уровень развития гражданского общества, самосознания широких народных масс, культурно-историческая специфика того или иного общества, степень толерантности к самой коррупции и к вероятности (предрасположенности) совершения коррупционных деяний и со стороны государственных чиновников, и со стороны простого населения, ибо дающая взятку врачу или директору кладбища старушка – вполне коррупционер, как и лица, которых она коррумпирует (разлагает) своей взяткой. А вот наиболее глубокой причиной того, *почему* старушка дает взятку, а другие ее берут, являются те *общие жизненные ценности*, которых придерживаются и старушка, и врач, и директор кладбища.

В основе коррупции и связанных с нею явлений (прежде всего – толерантного отношения к ней в нашем обществе) лежат жизненные ценности, содержание которых претерпевает значительные негативные изменения в конкретных социально-исторических и национально-культурных условиях.

Понятие жизненных ценностей и коррупция. Ценность – это положительная или отрицательная значимость некоторого материального или идеального явления (объекта) для субъекта, конституированная в рамках деятельности этого субъекта. В зависимости от того, что именно выступает в качестве объекта ценностного отношения, формируются и сами ценности: этические, эстетические, правовые, религиозные, политические, научные, обыденные, экологические, материальные, духовные.

Что касается *жизненных ценностей*, то под таковыми мы понимаем *положительно значимые* для конкретного человека явления социальной и индивидуальной жизни (собственная жизнь, семья, любовь, дружба, дети, материальное благосостояние, самореализация, свобода, душевное спокойствие, счастье близких, творчество, нормативные представления о добре и зле и т.д.). Именно они регулируют поведение человека и определяют его жизненные цели и приемлемые способы их достижения. Без реализации этих ценностей индивид не чувствует себя гармоничным человеком, не испытывает ощущения полноты

бытия и удовлетворения от своей собственной жизни (Кондрашов 2016).

Если же вести речь об *общих жизненных ценностях*, то под ними мы подразумеваем систему наиболее *значимых* явлений (терминальных ценностей), диктующих цели существования достаточно большой социальной идентичности (этноса, народа, человечества) и скрепляющих эту идентичность в тотальность. Как правило, жизненные ценности общего уровня детерминируются конкретно-историческим *типом общества*. Допустим, в патриархальном обществе жизненные ценности отличаются от своих аналогов в обществе раннебуржуазном или обществе постиндустриальном; для японского, американского, европейского и российского обществ будут характерны различные общие жизненные ценности, хотя некоторые из них могут совпасть. Система этих аксиологических установок интериоризируется в социальном характере и тем самым формирует поведение индивидов и направляет развитие всей социальной тотальности к достижению той цели, которая релевантна этим генеральным жизненным ценностям (например, демократическое рыночное общество с радикальной ценностью уважения к каждому человеку; или общество, ориентированное на «самодержавие, народность, православие»; или же – на «Домострой» либо шариат).

Например, в брошюре «*Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России*» базовыми национальными называются такие ценности, как патриотизм, социальная солидарность, гражданственность, семья, труд и творчество, наука, традиционные российские религии, искусство и литература, природа, человечество (Данилюк, Кондаков, Тишков 2009: 18-19)¹.

¹ Однако, как нам представляется, такого рода конгломерат не соответствует уровню радикальной общности. Более того, скажем, декларируемую ценность *социальная солидарность* авторы этой концепции, не замечая того, тут же уничтожают путем введения другой ценности – *традиционных российских религий*, к которым, вероятнее всего, авторы относят только православие и ислам; частью, может, и буддизм не забыли. Но куда вот деть *исконно традиционные религии северных народов, шаманизм*? Ну а атеистам и вообще нерелигиозным типам в этом «духовно-нравственном развитии» места не нашлось. Вот и возникает в связи с этим почва для «разжигания социальной, расовой, национальной и религиозной розни», что прямо *разрушает* не только социальную солидарность, но и *нарушает* нормы, установленные ст. 13, п.5 Конституции РФ (Конституция РФ).

В плане того, *какие* методы и способы (инструментальные ценности) используются для достижения жизненных целей и реализации жизненных (терминальных) ценностей, среди них выделяются с собственнo «жизненной» точки зрения методы *социально одобряемые и социально неодобряемые*, а с точки зрения юридической – *правомерные и неправомерные*.

Если речь идет о детерминационной, причинно-следственной связи между жизненными ценностями и коррупцией, то последнюю можно обозначить как *использование должностным лицом своих властных полномочий, неправомерных деяний, методов и инструментов для достижения своих личных жизненных целей, обусловленных индивидуальными и социально-групповыми ценностями, но субъективно оправдываемых культурными установками и стремлением реализовывать общие ценности*.

Как нам представляется, такая *ситуация морального оправдания коррупционных деяний* характерна именно для нашего и подобных ему обществ. Западные коррупционеры большей частью действуют из сугубо личных, корыстных интересов, осознают противозаконность своих деяний и субъективно их не оправдывают апелляцией к национально-культурным особенностям и тем более стремлением к якобы реализации общих ценностей. Российская специфика коррупции стала возможной в условиях отчуждения, тотальной коммодификации, всеобщей маркетизации, бюрократического снобизма (свойственного российским чиновникам), а также благодаря представлениям о том, что коррупция – это нормальное явление, характерное не только для рыночного общества, но и для русской/российской культуры в целом.

Социально-исторический и культурный контекст. Следует констатировать тот факт, что мы живем *не* в обществе, где *всеми* ценятся саморазвитие, любовь к родине, труд, гражданственность, семья, наука, творчество, вера, солидарность, свобода и справедливость, а в обществе *тотального отчуждения*, в котором человек становится не *личностью*, а *человеческим капиталом (human resource)*. Это означает, что человек превращается в *товар*, встраиваясь в ряд со всеми остальными товарами на рынке. Сущностно речь идет не только о товаре «рабочая сила» («рынок труда», «биржа труда»), но и о товаре

«человек». В условиях частной собственности рабочий продает капиталисту и свою рабочую силу (это всего лишь поверхность явления), и, более того, *свою собственную человечность (humanitas, Menschlichkeit)*. В процессе предметного отчуждения человеческое существо лишается предметности, а предметность, в свою очередь, лишается человечности (которая дана в равнодушном отношении человека к вещи), что выражается в ее всеобщей продажности. Но в этих условиях тотального протитуирования товаров сам человек становится объектом точно такого же протитуирования.

Экзистенциально это означает, что в условиях товарного производства, когда товар, продукт *отчужден* от производителя, сам человек, будучи *товаром*, отчужден от своего производителя, то есть от *самого себя*. «Производство производит человека, – пишет, например, К. Маркс, – не только в качестве *товара*, не только *человека-товар*, человека с определением *товара*, оно производит его, сообразно этому определению, как существо, и *духовно*, и физически *обесчеловеченное*. – Аморальность, вырождение, отупение и рабочих и капиталистов. – Продукт этого производства есть *товар, обладающий сознанием и самостоятельной деятельностью ... человек-товар*» (Маркс 1956: 574).

Мои отношения с другими людьми опосредуются товарами и их всеобщим эквивалентом – *деньгами*. Такая анонимность, безличность с необходимостью приводит к равнодушию. В буржуазном обществе существуют только *взаимно равнодушные* производители и потребители товаров, у них нет имен, только экономические категории – «телезрители» (потребители телевизионных программ), «заказчики», «покупатели», «поставщики», «целевая аудитория для рекламы»; не люди, а «бренды» и т.д.

Здесь речь идет не просто о каком-то случайном проявлении равнодушия, которое разрослось до невиданных размеров, но которое тем не менее существовало всегда в природе человека. Нет, речь идет о совершенно новом *антропологическом феномене*, который характерен только для *буржуазного общества*, где овещняются и квантифицируются не только общественные отношения, но и сами индивиды, превращаясь посредством механизмов купли-продажи рабочей силы в *товары*. «Рыночное понятие ценности, – замечает Э. Фромм, – которое означает

превосходство меновой ценности над полезной, способствовало формированию сходного понятия ценности в отношении людей и, в частности, в отношении человека к самому себе... Как и самого себя, человек воспринимает других в качестве товара» (Фромм 2000: 455, 461-462).

Еще одна характерная черта современной социальной жизни, влияющая на формирование соответствующих ценностей, – *маркетизация* человеческого бытия, то есть «втягивание» социальных, экономических, межличностных отношений в рыночные механизмы спроса и предложения. Однако тотальная маркетизация не ограничивается собственно экстраполяцией рыночных отношений на все стороны социальной жизни; она не только породила массовую культуру, но и превратила духовные и жизненные ценности в секторы рыночной экономики: «... даже то, что дотеле передавалось, но никогда не обменивалось, дарилось, но никогда не продавалось, приобреталось, но никогда не покупалось, – добродетель, любовь, убеждение, знание, совесть и т.д., – ... все, наконец, стало предметом торговли. Это – время всеобщей коррупции, всеобщей продажности или, выражаясь терминами политической экономии, время, когда всякая вещь, духовная или физическая, сделавшись меновой стоимостью, выносится на рынок, чтобы найти оценку, наиболее соответствующую ее истинной стоимости» (Маркс 1955: 73-74).

Коррупция как часть рыночной культуры. Другим немаловажным фактором, способствующим распространению коррупции на всех без исключения социальных уровнях, является то, что коррупция (не только в форме взяточничества, подарков руководителям различных государственных учреждений, но и в виде более «невинных» форм типа *непотизма*¹, *блата*, «волосатой руки» или *дружбы с чиновником*) в России воспринимается как вполне *нормальное* явление и даже оказывается

---

¹ Непотизм – вид *фаворитизма*, предоставляющий привилегии родственникам или друзьям независимо от их профессиональных качеств (например, при найме на работу). В русской традиции подобное явление именуется кумовством. Заметим, что в определении коррупции, данном в Федеральном законе от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», отсутствует точное указание на непотизм как коррупционное явление, что затрудняет выработку и принятие мер по противодействию ему (Федеральный закон № 278-ФЗ, 2008).

«неотъемлемой частью нашей культуры» (Сюзева 2014: 149). Толерантное отношение к коррупции в России подчеркивают многие отечественные исследователи.

Более того, сама культурная традиция постоянно воспроизводит возможность коррупционных действий. «Коррупция находит особое место в понимании рыночных отношений некоторыми слоями российского общества. Основой такого понимания служит убеждение, что в рыночной экономике продается все. Для чиновника потенциальным “товаром” выступает его подпись, для преподавателя – выставляемая сдающему экзамен оценка, для врача – предоставление больному бесплатной квоты на операцию. Совершающие подобные поступки не считают их аморальными, поскольку “продают” они не чужое (в чем видят принципиальное отличие своих действий, например, от воровства), а свое, и соответствующие “сделки” воспринимают как морально приемлемые. То, что является коррупцией с позиций законодательства, воспринимается участниками сделок как естественная рыночная модель поведения, к тому же не наносящая никому ущерба. Возникает ситуация, когда “все довольны”, включая взяткодателей, покупающих таким образом желаемые услуги» (Журавлев, Юревич 2014: 68).

«*Жить по правде*». Еще одним своеобразным «показателем» предрасположенности к противоправным деяниям вообще и коррупции в частности является воспеваемый некоторыми почвенниками русский/российский принцип «*жить не по истине, а по правде*». И это нас отсылает к *истине* в исследованиях Ш. Циммера: в романских и германских языках, в отличие от большинства языков славянских, нет различия между понятиями *истины* и *правды*. Например, во французском языке оба слова переводятся как *vérité*, в немецком – *Wahrheit*, английском – *truth*. В русской же культурной традиции *правда* воспринимается как нечто *жизненное* (*справедливое* в моральном плане, а не юридическом), а *истина* – как нечто формальное, безжизненное. Таковыми в семантическом отношении оказываются и *законы*. Поэтому использование *неправомерных*, но *социально одобряемых* инструментов для достижения жизненных целей и реализации жизненных ценностей (например, той же справедливости) в России *не осуждается*, ибо как раз выражает максимуму «*жить по правде*», в рамках которой «*правда жизни*»

противопоставляется и истине, и закону: по закону – виновен, а по жизни-совести-правде – прав, не виновен. В этом плане институт суда присяжных в обществах, подобных нашему, – это не в полной мере судебный орган, реализующий свои функции в рамках действующего законодательства, ибо решения присяжных зачастую обусловлены именно «фоновым» знанием и жизненными ценностями, а не собственно нормативно-правовыми актами.

Лингвистический аспект. Некоторые исследователи связывают терпимость к совершению тех или иных незначительных противоправных действий (в том числе и коррупционного характера, скажем, в виде подарков чиновникам, небольших услуг, продвижения родственников и друзей по служебной лестнице) с особенностями словоупотребления и семантики. Обосновывается это, например, следующим образом. Так, в немецком языке глагол *möchen* (*я могу*) имеет два значения:

– во-первых, *möchen* как *быть в состоянии что-либо сделать* (*я могу* поднять штангу весом 60 кг; *я могу* съесть 15 сосисок в тесте) – это значение передается глаголами *können*, *vermögen*;

– во-вторых, *möchen* как *иметь право что-либо сделать*, *möchen* в смысле *иметь разрешение что-либо сделать* (*я могу* = *имею право* = *мне разрешено* перейти дорогу на зеленый свет светофора). Это значение передается глаголом *dürfen*.

Однако оба эти значения, радикально различающиеся в немецком языке, в русском языке передаются одним словом. И поэтому лица, разговаривающие на русском языке, как бы *a priori* отождествляя эти семантические оттенки, считают, что «быть в состоянии» и «иметь право» – это *одно и то же*. Ведь *я могу*, например, *перейти дорогу на красный сигнал светофора*, ибо *я в состоянии это сделать* (а уж разрешено ли это – второй вопрос).

Отсюда делается совершенно неправомерный вывод о том, что немцы в силу такого различия семантики глаголов *können* и *dürfen* – в основном законопослушные граждане, а россияне – нет. Более того, при этом идет ссылка на знаменитую концепцию лингвистической относительности Сепира-Уорфа и вообще на семантический идеализм.

Выше мы заметили, что в области развития коррупции наша страна в целом пошла по «европейскому» пути, когда наиболее масштабная (выражаемая, например, в размерах взя-

ток и «откатов») коррупционная деятельность перемещается с низовых уровней на более высокие и даже на самые высшие. Тем не менее у России и здесь есть своя специфика. М.Г. Миненко считает, что распространению коррупции на верхних этажах власти в РФ способствует субъективный, социально-психологический фактор, суть которого состоит в том, что «богатые считают, что они лучше, активнее и умнее бедных, они не совершают краж, грабежей, лучше приспособившись к жизни» (Миненко 2014: 32).

Причиной такого *снобизма* является вопиющее неравенство доходов, которое изначально было детерминировано несправедливостью, безнравственностью и криминальностью постсоветского распределения общенародной собственности в ходе ваучерной приватизации, а также вследствие залоговых аукционов, рейдерских захватов, разного рода финансовых пирамид и т.п. Но самое главное в психологическом отношении состояло в том, что многие «олигархи» получили свои состояния и активы, абсолютно *не занимаясь никакой предпринимательской деятельностью*, в отличие от западноевропейских коллег, которые столетиями сколачивали свои состояния.

Это распределение сформировало радикальный имущественный, социальный разрыв между населением и элитами и конституировало *особый* социально-психологический тип российского коррупционера – индивида, сознательно или бессознательно оценивающего себя самого как представителя «высшей расы». Коррупционеры – *для самих себя* – другой вид, образцовый, правильный. И понятие о социальной ответственности у них касается только «своих», как это было, например, в Средние века у «благородных рыцарей». Такой «благородный коррупционер», беря взятки, продвигая «своих» (то есть «высших») по служебной лестнице и т.д., уверен, что тем самым *не совершает никакого преступления*. Более того, он этими своими действиями как бы способствует укреплению позиций «высших» (успешных, креативных) и справедливому ограничению доступа к власти представителей другого «биологического вида» (бедных). И в этом отношении коррупционер субъективно и искренне считает себя *патриотом*.

По сути дела, подобная ситуация верифицирует концепцию, согласно которой сегодня происходят деградация универсальной

морали (предполагаемой либерализмом и капитализмом) и становление новой *сословной этики*, ориентирующей разные сословия на разные ценности вне общего ценностного пространства. Отсюда то, что дозволено элитам, не дозволено всем остальным, и это становится новой нормой (Мартьянов, Фишман 2016).

Более того, такая субъективная оценка своего положения в нашем государстве коррупционерами, занимающими верхние ступени политической иерархии, совершенно не способствует консолидации всего российского общества *вокруг общих ценностей*. Однако именно эти представители «высшей расы» как раз и озабочены сегодня выявлением «общих ценностей» и созданием концепций духовно-нравственного развития.

Попробуем теперь, исходя из анализа этих социально-исторических условий, рассмотреть некоторые фундаментальные жизненные ценности, порождаемые и характерные именно для общества, погруженного в *такие условия*. В качестве подобного рода ценностей возьмем *свободу, защищенность и жизненное время* – явления, которые, безусловно, имеют *экзистенциальную значимость для большинства людей*.

Свобода действительно выступает фундаментальной жизненной ценностью (однако не только в том смысле, в каком она описана у упоминаемого выше Ш. Циммера). Поскольку для тех, кто сегодня вступил в зрелый возраст, становление их ценностей пришлось на дикие и криминальные 90-е гг. XX в., для многих молодых людей того поколения ценность *свободы* утратила свою привлекательность. Воровская романтика, «бригады», жизнь по понятиям, продажная любовь... К сожалению, на данную часть молодежи и представителей среднего возраста исследователи у нас обращают совсем мало внимания, больше занимаясь учащимися и студентами. А ведь именно эти ориентированные на криминал лица как раз и составляют сегодня большую часть тех, кто не только совершает особо тяжкие уголовные правонарушения, но и в массе своей поддерживает коррупцию. Наивно думать, что люди, разделяющие подобные ценности, станут пренебрегать возможностями, предоставляемыми криминальными схемами и практиками. Стало быть, для определенной части населения России *внешняя свобода* как ценность оказывается не столь уж и значимой. К сожалению, для многих

молодых людей, воспитанных на *русском шансоне и тюремной романтике, неволя* – это более позитивное в содержательном плане понятие (и соответствующая ему «практика»), нежели некая свобода-от и свобода-для, не говоря уже о совершенно абстрактной свободе-ради.

Защищенность. Другая важнейшая жизненная ценность – это чувство защищенности. В биологическом смысле – безопасность. Однако если в обществе социальной солидарности защищенность конституируется взаимной поддержкой, то в современном российском социуме данная терминальная ценность и ее инструментальная составляющая извращаются и вместо солидарности и сплоченности на первый план выступает клановость, «семья», когда кто-то кого-то «крышует», имеет «связи» и т.д.

Был период, когда именно эти криминально ориентированные лица очень рьяно рвались во власть, а попадая туда, распространяли свои «понятия» и «стиль жизни» на систему государственного управления. Именно они и выстраивали «вертикаль власти», в которой «своих не сдают» и всегда кто-то «прикроет» – защитит – коррупционера сверху.

К сожалению, эти действительно антисоциальные практики, воспроизводящие тюремные порядки, в настоящее время не только становятся характерными для государственных и муниципальных органов управления, но и востребованы в молодежной, студенческой и даже детской среде. А почему? Потому что сегодня они *реально и эффективно работают*.

Другой формой извращения этой всеобщей жизненной ценности является трансформация коррупции в корпоративную, групповую форму, создание «коррупционных сетей». Такое восприятие коррупции способствует складыванию ее определенной структуры, придавая организованный характер. «Коррупционер-одиночка» в современной России – вымирающий вид. Ему на смену пришли неформальные структуры – коррупционные сети. Происходит процесс «корпоративизации коррупции» (Глинкина 2010: 443).

Время – деньги. Наконец, еще одна жизненная ценность – время, понимаемое как время жизни. В некотором смысле оно – важнейшая экзистенциальная ценность, ибо оно невозобновимо, в отличие от богатства, отношений, свободы, истины, денег.

В условиях нормальной солидарности время положительно воспринимается как период для самореализации, творчества, но в ситуации отчуждения феномен времени начинает рассматриваться меркантильно, в рамках метафоры «время – деньги» («*Remember that time is money*» (Franklin 1793: 188)). Обычно это выражение трактуется либо (1) как «потеря времени равносильна потере денег, поскольку за это время можно было бы их заработать, следовательно, время надо беречь, расходовать с толком, ибо оно те же деньги», либо (2) как «чем больше денег, тем больше свободного времени, то есть деньги нужны для полноценной жизни, а не наоборот».

Однако современный прогресс вносит в понимание этой метафоры и иные акценты. Во-первых, тотальная меркантилизация в буквальном смысле рассматривает время как деньги, лишая эту ценность внутреннего эмоционального содержания. Например, время, проведенное с любимым человеком на скамейке в тишине парка, с точки зрения нижеизложенного подхода будет рассматриваться как бесполезное, непроеизводительное.

Ян Уокер (*Ian Walker*), профессор экономики Уорвикского университета (Великобритания), обнаружил, что время на самом деле, в прямом смысле, – это деньги. Он вывел такую формулу:

$$V = (W((100 - t) / 100)) / C,$$

где V – стоимость в час; W – почасовая заработная плата человека; t – ставка налога; C – местная стоимость жизни.

Ученый подсчитал, что средняя британская минута стоит чуть более 10 пенсов (15 центов) для мужчин и восемь пенсов (12 центов) для женщин.

«Формула показывает, что нет такой вещи, как бесплатный обед или даже бесплатный ужин. Пока вы чистите зубы в течение двух минут, вы используете до 20 пенсов (30 центов) “потерянного” времени. Исследование показало, что средняя стоимость приготовить ужин, включая стоимость затраченного времени и стоимость ингредиентов, составила 15,72 долларов, в то время как средняя стоимость заказа еды составила 7,31 долларов.

Профессор Уокер говорит, что это может показать людям, насколько ценным является их время в отношении любой задачи, которую они должны выполнять, является ли это приго-

товлением пищи, сном или работой. Он говорит, что это также позволяет людям решать, стоит ли тратить дополнительные деньги, чтобы сэкономить время. Другими словами, вам решать — использовать ли такси (чтобы сэкономить время) или автобус (чтобы сэкономить деньги)» (Сенькин).

Во-вторых, метафора Б. Франклина «*время – деньги*» толкуется сегодня еще и в плане *неспособности* и нежелания современных жителей (не только подростков, как было показано в наших предыдущих исследованиях социологического характера, но и всех возрастных, половых и иных социальных групп) к *длительному* («отложенному») *ожиданию реализации своих жизненных целей*. А вкупе с превращением почти всех жизненных ценностей в условиях капиталистического образа жизни в меновые стоимости, товары это восприятие времени как денег приводит к совершению коррупционных действий. Так, например, зачем студент «тратить время» на зубрежку учебника? – ведь проще заплатить преподавателю и тем самым *экономить* время. Зачем той же старушке сидеть в очереди в поликлинике, когда проще «дать на лапу» медсестре или врачу и пройти обследование без очереди? Зачем учить правила дорожного движения, сдавать теорию и практику вождения автомобиля, когда проще – *не тратя время* – купить водительские права?

О борьбе с коррупцией. Мы полностью согласны с С.В. Оболкиной в том, что «формирование антикоррупционных позиций мировоззрения – основная цель деятельности, которую мы называем борьбой с коррупцией... Важно формирование антикоррупционного императива для личности и социума в целом» (Оболкина 2016: 71). Однако если С.В. Оболкина видит конституирование «неприятяя явления коррупции как таковой» в качестве *новой* мировоззренческой нормы через механизмы *страха и устрашения*, то мы, присоединяясь к этому суровому, но верному мнению, тем не менее считаем, что только лишь юридического, правового и эмоционального изменения структур повседневного сознания граждан для понимания «*коррупции как ненормальности*» совершенно недостаточно.

Собственно политическая, правовая и информационная борьба с коррупцией (часто оборачивающаяся своей противоположностью, когда «информационное действие оказывается повествованием о “плохих” преступниках, а не о “хороших”

сыщиках» (Оболкина 2016: 76)), – это только *поверхностные меры*. Коррупция не нарратив и не дискурс, которые можно «исправить» введением новых нормативно-правовых актов, показательными арестами или «семантическим анализом и правильным словоупотреблением».

И если *субъект противодействия коррупции*¹ действительно *желает*, чтобы базовыми национальными ценностями стали ценности, обозначенные в вышеупомянутой «Концепции духовно-нравственного развития», а индивидуальными жизненными ценностями – не извращенные отчуждением, меркантильностью, маркетизацией и «национальной» спецификой свобода, социальная защищенность, время, саморазвитие, семья и даже любовь, ибо последняя, к счастью, может существовать не только в форме секса, открытой или скрытой проституции, но и как радостная забота, ласковое внимание, уважение и нежная теплота, то необходимо *комплексно, системно* идти вглубь проблемы, *уничтожать почву, на которой жизненные ценности извращаются в своем содержании*, и через преобразование социально-экономических, политических, правовых, бытовых и повседневных структур, через систему воспитания и образования *менять мировоззренческое ядро* людей, то есть *оздоравливать содержание их жизненных ценностей*.

Но, к сожалению, нынешний «антикоррупционный субъект», «борец с коррупцией» о подобных *радикальных* задачах и стратегиях даже не мыслит, ибо не видит *всей ситуации*, впадая в «коррупционный» и «бюрократический» фетишизм.

Коль скоро в качестве фундаментальных причин широчайшего распространения коррупции мы рассматриваем ряд жизненных ценностей (составляющих «аксиологическое ядро» мировоззрения), которые в своем содержании извращаются в рамках специфической для российского общества констелляции социальных, экономических, политических, национально-

---

¹ А вопрос о *таком* субъекте сегодня настолько же актуален, как и, скажем, вопрос о современном субъекте революционных преобразований, ибо в последнем случае нынешний рабочий класс явно перестал быть таковым, а в случае первом – в качестве означенного субъекта не может выступать *только одна лишь государственная власть*, ибо в качестве коррупционеров выступают также и рядовые граждане. Более того, такой субъект *a priori* оказывается внутренне противоречивым: *с коррупцией борются те, кто и является в большей степени коррумпированным*.

культурных, исторических, психологических и даже лингвистических условий, то представляется необходимым кратко рассмотреть некоторые аспекты противодействия коррупции в перспективе преобразований этого «аксиологического ядра» и той почвы, на которой «вырастают» его извращения.

Для этого само мировоззрение следует определить в прагматологической парадигме как уникальную совокупность («сплав») представлений (убеждений, оценок, идеалов, ценностей, жизненных установок и принципов) человека или социальной группы о мире в целом (природе и обществе) и своем месте в нем, – представлений, которые *определяют отношение человека к миру* и тем самым *регулируют его повседневную практическую деятельность*.

Таким образом, мировоззрение – это не просто некая «система взглядов на мир», а внутренне взаимосвязанный комплекс (1) *представлений о мире и месте человека в нем* (центром которых как раз выступает «аксиологическое ядро», состоящее из жизненных ценностей и детерминируемых ими жизненных целей и инструментов, посредством которых последние достигаются); (2) *отношений человека к миру* (познавательных, моральных, эстетических, экзистенциальных); (3) *практической деятельности*, вырастающей на основе представлений и отношений к миру.

Стало быть, только через преобразования содержания и модальности жизненных ценностей можно изменить и отношение человека к миру, и направленность его деятельности. А изменение всего мировоззренческого комплекса оказывается возможным лишь посредством изменения всех условий социального и индивидуального бытия.

Как было показано выше, общественная и индивидуальная деятельность, воспроизводящая коррупцию, детерминируется в первую очередь такими общими экономическими факторами, как отчуждение, коммодификация и маркетизация, которые, основываясь на модели *homo economicus*, при этом еще «отягощаются» российской спецификой (толерантным отношением к коррупции, особенной психологией чиновников).

Безусловно, для радикального изменения всей этой социальной почвы, дающей соки коррупции, необходима тотальная революция во всех сферах жизнедеятельности российского

общества, – революция, направленная на модернизацию экономической жизни и правовой базы борьбы с коррупцией. Об этих мерах написано большинство работ на эту тему. Но не менее важными моментами противодействия коррупции являются преобразования *морально-политических регуляторов* (Мартыанов 2014), *политико-психологических условий, способствующих воспроизводству коррупции* (Фан 2014), а также *расширение сферы реальных гражданских прав и переход от сословно-рентного государства к государству «сервисного» типа*, «ориентированного на обеспечение высокого человеческого потенциала через образование, здравоохранение, науку» (Мартыанов, Фишман 2016: 67).

Здесь мы обратим внимание на одну сторону этой всеохватывающей революции – *аксиологическую*, связанную с обновлением содержания жизненных ценностей. Думается, что в этой связи можно выделить четыре аспекта, в рамках которых необходимо проводить радикальные преобразования.

Модальный аспект. Необходим переход от экономического истолкования жизненных ценностей к *внеэкономическим модальностям* «мышления, ценностей и институтов в области права, политики, морали, искусства и др., являющихся необходимым условием существования и развития социума» (Мартыанов 2017: 104). Элиминацию тотализирующей модальности *homo economicus* (тотальной коммодификации и маркетизации) можно провести достаточно эффективно путем «изъятия» из товарно-денежного оборота таких «товаров» и «услуг», каковыми сегодня являются образование, здравоохранение, культура, искусство, наука, религия. В социально-экономическом плане это означает движение от неолиберального капитализма к капитализму социальному, а в случае реализации «программы-максимум» – к отказу от капитализма вообще.

Социальный аспект. Общие жизненные ценности должны стать по возможности *универсальными*, исключаящими национальный, классовый, корпоративный и т.д. характер. «Перспектива политической, культурной, экономической, правовой универсализации человечества, создания транснациональных институциональных каркасов предпочтительнее логики любых локальных “измов”» (Мартыанов, Фишман 2010: 252). Это предполагает, с одной стороны, реморализацию политики, возвра-

щение в политическую реальность моральной составляющей; с другой – содержательную моральную революцию, суть которой «проста, она лежит в основе любой этики: думать не только о себе, о своем народе, конфессии и т.д., но и о других. Но это не простое воспроизведение императива: не делать другому того, чего не желаешь себе. Это значит понимать, что, возможно, благо твоего народа станет не просто неудобством, но прямо-таки несчастьем для другого народа. Благо твоих корпораций разорит другие страны и лишит многих работы у тебя же дома. И нужно быть готовым насколько возможно компенсировать это несчастье или попытаться вообще его избежать» (Мартьянов, Фишман 2010: 254).

Содержательный аспект. Новые универсальные жизненные ценности должны способствовать росту органической солидарности и социальной сплоченности, взаимопомощи; необходимо доминирование моральной стратегии непрерывного расширения возможностей для всех людей. В этом плане обязательно исчезновение одной из основных специфических российских характеристик коррупции – бюрократического снобизма. Отныне для чиновников «аморальным должно считаться само деление на элиту и неэлиту» (Мартьянов, Фишман 2010: 253).

Прагматический аспект. «Новая мораль» и новое повседневное поведение, детерминированные измененными социальными практиками и преобразованными в своем содержании общими жизненными ценностями, составляющими «аксиологическое ядро» мировоззрения и отношения человека к миру, должны стать *выгодными для всех*, «когда следование нормам закона и общественной морали будет наиболее выгодным» для большинства людей (Мартьянов 2012: 65; Фан 2014: 103). Именно этот *осознанный* прагматический, и даже утилитарный, момент выгоды следования общим универсальным жизненным (терминальным) установкам и использование правомерных инструментальных ценностей является наиболее эффективной основой противодействия коррупции, ибо осуществлять коррупционные действия в такой ситуации будет просто-напросто *невыгодно*.

Собственно говоря, даже в рамках неолиберального капитализма можно создавать условия невыгодности коррупции

экономическими санкциями. Так, В.С. Мартьянов полагает, что для модели *homo economicus* коррупция будет оправданным рациональным выбором, если она влечет большую вероятность прибыли, чем потеря. Соответственно этому экономическому дискурсу необходимо создавать такие институциональные ограничения для индивидов, которые будут нивелировать выгоды коррупции (лишение пенсии, стажа, льгот, увольнение без права занятия высокооплачиваемой должности и т.д.) (См.: Мартьянов 2017).

Однако, как нам представляется, элиминация самой логики *homo economicus* из социальной деятельности сделает подобные меры только лишь *дополнительными*, в то время как наиболее действенными будут имманентные моральные и ценностные императивы, полагающие невыгодность совершения коррупционных деяний.

* * *

Итак, необходимо *комплексно, системно уничтожить ту почву, на которой жизненные ценности извращаются в своем содержании*, и через преобразование социально-экономических, политических, правовых, бытовых и повседневных структур, через систему воспитания и образования менять *мировоззренческое ядро* людей, то есть *содержание их жизненных ценностей* всех уровней. И если общие жизненные ценности – *свобода, защищенность и время* – будут в повседневности «вынесены» за рамки извращающего (коммодифицирующего, маркетизирующего, бюрократического) сознания, то исчезнет наиболее фундаментальная почва для совершения коррупционных действий. А юридические, политические, социальные, экономические, пенитенциарные, устрашающие и иные меры только закрепят положительный эффект, полученный от радикального преобразования сферы жизненных ценностей.

Материал поступил в редколлегию 07.11.2018 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Глинкина С.П. 2010. Коррупция: фатальная угроза? // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. М.: Ин-т эконом. стратегий. С. 427-455.

Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. 2009. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М. : Просвещение. 24 с.

Журавлев А.Л., Юревич А.В. 2014. Психологические факторы коррупции // Социолог. исслед. № 7. С. 63-71.

Кондрашов П.Н. 2016. Динамика жизненных ценностей подростков и проблема коррупции в постсоветской России // Образование и наука. № 6. С. 22-41.

Маркс К. 1955. Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Политиздат. Т. 4. С. 65-185.

Маркс К. 1956. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М. : Политиздат. С. 517-642.

Мартыанов В.С. 2012. Хроническая болезнь человечества // Вестн. Моск. антикоррупц. комитета. № 2. С. 64-72.

Мартыанов В.С. 2014. Модернизация морально политических и правовых регуляторов как способ противодействия коррупции // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Т. 14, вып. 2. С. 108-140.

Мартыанов В.С. 2017. Политические пределы homo economicus // ОНС : Обществ. науки и современность. № 2. С. 104-118.

Мартыанов В.С., Фишман Л.Г. 2010. Россия в поисках утопий: от морального коллапса к моральной революции. М. : Весь мир. 256 с.

Мартыанов В.С., Фишман Л.Г. 2016. Этика добродетели для новых сословий: трансформация политической морали в современной России // Вопр. философии. № 10. С. 58-68.

Матвейчев А., Акопян А. 2017. Мифы о коррупции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mif-corr.ru/node/102> (дата обращения: 10.10.2018).

Миненок М.Г. 2014. Социально-психологические аспекты коррупции // Вестн. Балт. федерал. ун-та им. И. Канта. Вып. 9. С. 27-34.

Оболкина С.В. 2016. Коррупция и «механизмы» повседневности // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Второй Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург. С. 71-78.

Сенькин В. Время – деньги! Что означает эта фраза? Имеет ли она смысл сегодня? [Электронный ресурс]. URL: <https://headlife.ru/chto-oznachает-vremya-dengi/> (дата обращения: 08.10.2018).

Сюзева Н.В. 2014. Культурно-исторические предпосылки формирования коррупционной направленности сознания и способы ее преодоления // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Всерос. науч. конф. / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург. С. 148-156.

Фан И.Б. 2014. Политико-психологические аспекты воспроизводства коррупции // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Т. 14, вып. 4. С. 91-106.

Фромм Э. 2000. Бегство от свободы. Человек для себя. Минск : Попурри. 624 с.

Franklin B. 1793. Advice to a Young Tradesman, Written by an Old One [Электронный ресурс] [Date on essay 1748] // Works of the Late Doctor

Benjamin Franklin. Dublin: Printed for P. Wogan, P. Byrne, J. Moore, and W. Jones. URL: <https://founders.archives.gov/documents/Franklin/01-03-02-0130> (дата обращения: 08.10.2018).

Конституция Российской Федерации, 1993 // Рос. газ. 1993. 25 дек.

Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52, ч. 1. Ст. 6228.

Pyotr N. Kondrashov, Candidate of Philosophy, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. E-mail: pnk060776@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-0975-4418

SOCIAL CONDITIONS, LIFE VALUES AND THEIR RELATIONSHIP WITH CORRUPTION

Abstract. The author proceeds from the fact that the basis of predisposition to commit corruption and tolerance to it are life values that regulate human behavior, determine his/her life goals and acceptable ways to achieve them, which are perverted in their content in specific social conditions. As an example, the author analyzes the perversion of the content and existential understanding of such vital values as *freedom, security, and life time*. All these factors form a tolerant attitude to corruption. However, within the framework of such consideration of corruption, its peculiar *emancipating* role is revealed: corruption acts as specific (illegal) way of liberation from participation in outdated, but formally demanded practices. The author concludes that the causes of corruption in our country are so deep that its elimination requires the adoption and implementation of truly radical and comprehensive measures of different nature, but first of all – a radical change in the entire axio-sphere, the content of life values at all levels. It is necessary to *comprehensively, systematically destroy the ground, on which life values are perverted in their content*; through the transformation of socio-economic, political, legal, domestic and everyday structures, the system of education and education to change the *ideological core* of people, i.e. to change *the content of their life values*. Legal, political, social, economic, penitentiary, frightening, and other measures will only consolidate the positive effect obtained from the radical transformation of the sphere of life values.

Keywords. corruption; life values; commodification; marketing; bureaucratic snobbery; freedom; security; time; emancipating role of corruption; tolerant attitude to corruption.

References

Danilyuk A.Ya., Kondakov A.M., Tishkov V.A. *Kontsepsiya dukhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya lichnosti grazhdanina Rossii* [The concept

of spiritual and moral development and education of the individual citizen of Russia], Moscow, Prosveshchenie, 2009, 24 p. (in Russ.).

Fan I.B. *Politiko-psikhologicheskie aspekty vosproizvodstva korruptsii* [Political and psychological aspects of the reproduction of corruption], *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2014, vol. 14, iss. 4, pp. 91-106. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 25 dekabrya 2008 goda № 273-FZ «O protivodeystvii korruptsii» (s izm. i dop.) [Federal Law of 25 December 2008 № 273-FZ «About corruption counteraction»], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*, 2008, no. 52, pt. 1, art. 6228. (in Russ.).

Franklin B. Advice to a Young Tradesman, Written by an Old One [Date on essay 1748], *Works of the Late Doctor Benjamin Franklin*, Dublin, Printed for P. Wogan, P. Byrne, J. Moore and W. Jones, 1793, available at: <https://founders.archives.gov/documents/Franklin/01-03-02-0130> (accessed October 08, 2018).

Fromm E. *Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya* [Escape from freedom. Man for himself], Minsk, Popurri, 2000, 624 p. (in Russ.).

Glinkina S.P. *Korruptsiya: fatal'naya ugroza?* [Corruption: a fatal threat?], *Neekonomicheskie grani ekonomiki: nepoznannoe vzaimovliyanie*, Moscow, Institut ekonomicheskikh strategiy, 2010, pp. 427-455. (in Russ.).

Kondrashov P.N. *Dinamika zhiznennykh tsennostey podrostkov i problema korruptsii v postsovetskoy Rossii* [The dynamics of the life values of adolescents and the problem of corruption in post-Soviet Russia], *Obrazovanie i nauka*, 2016, no. 6, pp. 22-41. (in Russ.).

Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii [Constitution of the Russian Federation 1993], *Rossiyskaya gazeta*, 1993, December 25. (in Russ.).

Marks K. *Ekonomicheskoye i filosofskoye rukopisi 1844 g.* [Economic and Philosophical Manuscripts of 1844], *Marks K., Engel's F. Iz rannikh proizvedeniy*, Moscow, Politizdat, 1956, pp. 517-642. (in Russ.).

Marks K. *Nishcheta filosofii* [Poverty of Philosophy], *Marks K., Engel's F. Sochineniya*, Moscow, Politizdat, 1955, vol. 4, pp. 65-185. (in Russ.).

Martyanov V.S. *Khronicheskaya bolezni' chelovechestva* [Chronic disease of mankind], *Vestnik Moskovskogo antikorrupsionnogo komiteta*, 2012, no. 2, pp. 64-72. (in Russ.).

Martyanov V.S. *Modernizatsiya moral'no politicheskikh i pravovykh regulyatorov kak sposob protivodeystviya korruptsii* [Modernization of morally political and legal regulators as a way to counter corruption], *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2014, vol. 14, iss. 2, pp. 108-140. (in Russ.).

Martyanov V.S. *Politicheskie predely homo economicus* [The political limits of homo economicus], *ONS : Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 2017, no. 2, pp. 104-118. (in Russ.).

Martyanov V.S., Fishman L.G. *Etika dobrodeteli dlya novykh sosloviy: transformatsiya politicheskoy morali v sovremennoy Rossii* [Ethics of virtue for the new estates: the transformation of political morality in modern Russia], *Voprosy filosofii*, 2016, no. 10, pp. 58-68. (In Russ.).

Martyanov V.S., Fishman L.G. *Rossiya v poiskakh utopiy: ot moral'nogo kollapsa k moral'noy revolyutsii* [Russia in search of utopias: from moral collapse to moral revolution], Moscow, Ves' mir, 2010, 256 p. (In Russ.).

Matveychev A., Akopyan A. *Mify o korruptsii* [Myths about corruption], 2017, available at: <http://www.mif-corr.ru/node/102> (accessed October 10, 2018). (in Russ.).

Minenok M.G. *Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty korruptsii* [Socio-psychological aspects of corruption], *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 2014, iss. 9, pp. 27-34. (in Russ.).

Obolkina S.V. *Korruptsiya i «mekhanizmy» povsednevnosti* [Corruption and the «mechanisms» of everyday life], *Rudenko V.N. (otv. red.) Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korruptsii : sb. tr. po itogam Vtoroy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Ekaterinburg, 2016, pp. 71-78. (in Russ.).

Senkin V. *Vremya – den'gi! Chto oznachaet eta fraza? Imeet li ona smysl segodnya?* [Time is money! What does this phrase mean? Does it make sense today?], available at: <https://headlife.ru/chto-oznachaet-vremya-dengi/> (accessed October 08, 2018). (in Russ.).

Syuzeva N.V. *Kul'turno-istoricheskie predposylki formirovaniya korruptsionnoy napravlenosti soznaniya i sposoby ee preodoleniya* [Cultural and historical background of the formation of corruption orientation of consciousness and ways to overcome it], *Rudenko V.N. (otv. red.) Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korruptsii : sb. tr. po itogam Vseros. nauch. konf.*, Ekaterinburg, 2014, pp. 148-156. (in Russ.).

Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. *Psikhologicheskie faktory korruptsii* [Psychological factors of corruption], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2014, no. 7, pp. 63-71. (in Russ.).